

ВАЛЕНТИН АНОЦКИЙ

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ИИСУСА

РАССКАЗ

1

В конце концов, Самокурову это надоело: в туалете, в сливном бачке, всю ночь тихо, с короткими перерывами, журчало, будто кто-то, разбитый хроническим простатитом, с трудом выдавливал из себя последние миллиграммы. Даже более громкие звуки в виде упавшей гири на потолок (у них — на пол) или семейные разборки из-за стены, или хриплый собачий вой от тоски по забору не вызывали такой ненависти, как это тихое, застенчивое журчание. Иногда он пытался приручить эти звуки, представляя себя на берегу ручья, в окружении леса и гомона птиц, и это порой удавалось, но губительность этих звуков заключалась в их монотонности, не зря же хитрые китайцы придумали тихую и бескровную казнь: падающие сверху капли воды на голое темечко обездвиженного человека. Через некоторое время капли превращались в гири, и человек сходил с ума. Именно от монотонности.

После завтрака, преисполненный раздражением и желанием сегодня же покончить с ночным безобразием, он вошёл в соседний подъезд, где

АНОЦКИЙ Валентин Романович родился в 1950 году в Горловке Донецкой области. Детство и юность прошли на Сахалине в Холмске, где он закончил мореходное училище, после окончания которого был направлен в Находку. После окончания Иркутского пединститута иностранных языков им. Хо Ши Мина работал в морском агентстве "Инфлот", а затем перешёл на службу в таможню. Первые публикации в журнале "Дальний Восток", в коллективных сборниках Владивостока. В Иркутске подружился с Валентином Распутиным. Вскоре по рекомендации мастера вышел первый сборник "Тайник", за которым последовали многочисленные другие публикации. Член Союза писателей России. Генерал-майор таможенной службы.

располагалась управляющая компания. Диспетчер, женщина с голосом простуженной сирены, сходу подпитала раздражение, заявив, что свободных слесарей нет, и запись идёт только по аварийным показаниям. Но оказался на месте управляющий, и это внушало надежду. Самокуров решительно постучал в дверь и после невнятного мычания изнутри вошёл. По первому впечатлению, как от внешнего вида — слегка небритый, слегка примятый, сильно прокуренный, — так и от внешней обстановки — горы бумаг на столе, полная окурков пепельница — управляющий не мог управлять никем и ничем в принципе. Раньше Самокуров встречался с ним во дворе, иногда здороваясь, иногда нет — так же, как поступал тот, в своей вечной озабоченности и задумчивости.

— Капает, да? — выслушал он посетителя.

— Журчит, — скривился Самокуров.

— А самому подтянуть слабо?

— А в каком месте? Подтянешь, а оттуда струя в девять атмосфер!

— Надо же, в девять! — рассеянно повторил управляющий и тут же схватил едва звякнувшую телефонную трубку.

— Семён Семёнович, не беспокойтесь, никакой забывчивости, просто утренняя запарка. Сегодня же, через час...

После этой фразы, указывающей, что разговор был с вышестоящим руководителем, хозяин кабинета помрачнел, и, казалось, ещё одна неподъёмная проблема надела на его сутулившуюся спину.

— Нет слесарей! — включилась сирена за дверью. — Получка была вчера, понимаешь?

Управляющий тяжело поднял голову. В его глазах читалось непонимание происходящего.

— Что у вас?

Самокуров опешил.

— Я говорю: в бачке сливном журчит.

Управляющий вздохнул, вытянул ящик письменного стола, задвинул обратно, и вдруг заговорщически наклонил голову.

— Тебя как зовут?

— Вадим.

— Слушай, Вадим, я тебе новый бачок поставлю, финский. Сделай одно дело.

— Если смогу, сделаю.

Управляющий опять выдвинул ящик стола и достал конверт.

— Отвези это по адресу, который я тебе дам. Передашь и всё — конец твоему журчанию.

Самокуров подозрительно рассматривал конверт, не беря его в руки.

— Взятка, да?

— Начитались газетёнок всяких! Везде им взятки! — возмутился управляющий. — Это всего лишь конверт! Тебе вообще неизвестно, что там внутри. Фотографии с пикника — вот что там! Тебя даже если с поличным возьмут, ничего не смогут предъявить — ты, кроме журчанья в бачке, ничего не знаешь.

— Ну, хорошо, — нехотя согласился Самокуров, — давайте адрес.

— Вот и молодец! — управляющий взял чистый лист бумаги, начал писать, попутно вполголоса давая пояснения. — Учти, там, не так, как у меня — проходной двор, там — приёмная, секретарша, диван. Сразу к секретарше: я от Хорохорина Дмитрия Петровича с поручением к Семёну Семёновичу. Отдай лично в руки. Да не ей, а ему! Отдай, и потом сразу сюда — за финским бачком.

Протянул бумагу, но тут же придержал:

— Лучше, конечно, чтобы ты запомнил адресок. У тебя память хорошая?

— Я художник.

— Свободный художник... Как бы я хотел быть свободным управляющим!

— Не совсем свободный: я подрабатываю в двух театрах.

— Вот и хорошо! Запоминай. И учти, Вадим, это на полном доверии.

Я вижу, ты порядочный парень. А финский бачок я тебе поставлю, будешь спать, как убитый. Ну, то есть без задних ног.

Протолкавшись сквозь строй недовольных потребителей, у кого текло, капало и журчало в квартирах, Самокуров вышел на свежий воздух, удивляясь началу нового дня, а ещё больше — своему авантюризму. Финский бачок за передачу взятки! Скажи кому... Проверив на телефоне пропущенные звонки, он позвонил по главному из них.

— Наташа, извини, я был занят.

— С утра так занят? Вдохновение?

— Расскажу при встрече, это тебя развлечёт.

— Но как раз встречаю в последнее время постоянно что-то мешает...

— На этот раз ничего не помешает. Я только выполню одно поручение, и мы встретимся.

Здание местного самоуправления он нашёл быстро, подгоняемый желанием встречи с Наташей и ещё бóльшим желанием быстрее освободиться от мутного конверта.

Приёмную управляющий описал правильно. Только не упомянул телевизор на стене. Секретарша и диван были. Секретарша, ещё молодая, в самом утрамбованном возрасте женщина, когда женский опыт и женская интуиция на самом пике, дальше — лишь борьба с морщинами и лишним весом, тревоги о детях и внуках. Она одним взмахом длинных ресниц поприветствовала посетителя и светлой причёской, похожей на соломенную скирду, качнула в сторону дивана. Поскольку никаких вопросов не последовало, Самокуров решил уточнить причину своего визита.

— Я по поручению...

Секретарша приподняла ладонь с нанизанными на каждом пальце перстнями, призывая к тишине. Самокуров замолчал в недоумении от жеста и принялся изучать картины на стенах. Репродукции были качественные, с деревянными резными рамками, одинакового формата, что указывало на то, что взяты они из одного альбома. Сквозь ровный уличный шум он уловил неясное бормотанье со стороны двери начальника. И вдруг его осенило: секретарша прислушивалась к разговору, отсюда и её странное поведение. Разговор за дверью иссяк, и она деловито спросила:

— По какому вопросу?

— Я по поручению Дмитрия Петровича Хорохорина.

— Что передать?

— Сказано: лично в руки! — твёрдо заявил Самокуров.

— Тогда ждите.

Такое бесцеремонное отношение его задело, поскольку отбирало драгоценное личное время.

— Я не только выполню поручение, но и подскажу Семён Семёновичу, чтобы он усилил шумоизоляцию двери, — вступил он в схватку с опытной мегерой.

Секретарша на миг оторопела. Взмахи наклеенных ресниц участились, словно пытались поднять тело над столом, но опыт взял верх. На шантаж она не поддавалась.

— Вы, молодой человек, с большими фантазиями, вам бы художником быть, а не посыльным.

Она степенно подняла трубку.

— Семён Семёнович, к вам от Хорохорина. Хорошо, хорошо...

Самокуров встал и у самой двери задержался.

— Я человек здесь случайный, мне ваши коммунальные тайны не нужны, можете быть спокойны.

Навстречу ему поднялся настоящий сформировавшийся чиновник: упитанный, наглаженный, выпавшийся, уверенный в себе. Такой и соврёт — поверишь ему. В кабинете ощущался свежий запах кофе и новой казённой мебели.

— Ну, чего ему нужно? — поинтересовался он.

Самокуров достал конверт.

— Что это? — с искренним удивлением спросил хозяин кабинета. — Что за переписку затеял старый ворчун?

— Говорит: фотографии с пикника.

— Подумаешь, важность какая. — Семён Семёнович небрежно кинул конверт на стол.

Самокуров лишь подивился артистичности незнакомого чиновника. А какие же артисты тогда там, на самом верху, пришла ему в голову ненужная мысль.

К его удивлению, чиновник не попрощался с ним сразу, а внимательно просканировал его стёклами очков. За очками проглядывался искренний интерес к незнакомцу.

— Давно знаешь Хорохорина?

— Лет пять, с тех пор, как поселился по этому адресу.

— Прилично.

Хозяин кабинета прошёлся вдоль стола в задумчивости или начальственной озабоченности и остановился перед Самокуровым.

— Ну, если давно... Не мог бы и мне оказать услугу?

Самокуров остолбенел от неожиданности, он не верил, что так может быть в жизни, это могло быть, где-то там: в театре, кино, книгах...

— Конверт? — шёпотом поинтересовался он.

— Сумочку.

— Самому делать подарки приятнее...

— Это не подарок — просто передача. Человек забыл, оставил у меня. Проблема в том, что я плохо знаю того человека. А тебе всё равно: почтальон ведь не знает, что он несёт в сумке. Даже если наркотик, он что — преступник? Нет.

— Но я ведь не дурак...

— А надо быть дураком! Тогда будешь умным и богатым! Разумеется, — смягчился он, — дураком надо быть до определённой степени. Ты что-нибудь получил от Хорохорина?

— Обещал финский сливной бачок.

Семён Семенович усмехнулся.

— Жмот старый. Бачок, конечно, бэушный, лет семь простоял у кого-то. От меня получишь больше. В общем, оставь телефончик, я позвоню.

Озадаченный неожиданными событиями, возникшими всего лишь от журчания воды в сливном бачке, Самокуров шёл по улице, размышляя над тем, что могут принести новые знакомства. По всей видимости — деньги, но насколько они законны? Небогатый жизненный опыт подсказывал: до тех пор, пока он не знает, что доставляет, он не может считаться нарушителем. Как только он это узнает и получит вознаграждение — это уже умысел, сговор, сознательный поступок, за который неизбежно наступит наказание. Отсюда вывод: будь дураком, будешь счастливым и богатым. Ну, Семён Семёнович... Главное, не дать втянуть себя в паутину.

Самокуров спохватился и позвонил Наташе. Похоже, она с нетерпением ждала приглашения, сказала: “Скоро буду”, — и тут же отключилась. Они начали встречаться недавно, но это было как раз то, во что он сам желал быть втянутым. Познакомились они на художественной выставке, посвящённой французским импрессионистам, картины которых ему, конечно, были хорошо знакомы, но они помогали поддерживать в нём творческое напряжение, желание увидеть то, что ещё не было увидено другими. Он с любопытством и с некоторым превосходством прислушивался к тихому спору двух девушек у картины Матисса “Танец”. Одна из них, явно лидер, раздражённо доказывала, как он понял по обрывкам разговора, нелепость изображения танца в такой манере. Это была обычная реакция человека, проходящего на выставке, чтобы посмотреть, не вникая в замысел художника. Другая девушка, брюнетка, с лёгкой улыбкой слушала, и было непонятно, согласна ли она с подругой. Заметив, что к ним прислушиваются, она подняла глаза на Самокурова и поинтересовалась:

— Похоже, вы думаете по-другому?

Он приблизился к ним, не желая, чтобы карие глаза ускользнули от его взгляда, и пояснил:

— Я думаю по-другому. На картине нет людей в том смысле, как мы их понимаем, то есть руки, ноги, глаза, волосы, а видим цветовые всполохи, повторяющие движения танца — это танец в чистом виде, как он мог бы выглядеть без людей, его исполняющих. Это просто движения, выраженные цветом.

Он объяснял это только ей, что было нелогичным, — ведь это её подруга сомневалась в смысле картины, а она лишь хотела услышать другое мнение. Самокуров осмелел и пригласил их на другую выставку в другой день, и подруга тут же отказалась в пользу брюнетки, сразу уловив немой разговор их взглядов.

Она пришла быстро, возможно, уже в пути получив его приглашение. Торопится, что-то хочет сказать? Самокуров приобнял её, чмокнул в щёку, после каждой встречи понимая, что они становятся всё ближе и ближе, и недалёк тот момент, когда он встанет у двери и скажет: “Всё, больше ты отсюда никуда не пойдёшь!” И хотя квартира была чужая, принадлежащая давнему знакомому его отца, переданная во временное владение, он не видел в этом преграды для совместной и счастливой — он в этом не сомневался — жизни.

— И что же тебя задержало сегодня? — потребовала она объяснений. — Ты подрабатываешь на разгрузке вагонов?

— Пока нет, у меня появилась возможность разбогатеть другим способом.

Он пересказал ей утреннее приключение, стараясь показать его так, чтобы оно выглядело забавным недоразумением, не влекущим за собой никаких последствий. Однако ему не удалось обмануть женскую интуицию.

— Там, где появляются лёгкие деньги, — сказала она, — неизбежно наступают тяжёлые последствия.

Это прозвучало железобетонно, как теорема Пифагора. Понимая её правоту, Самокуров отшутился, чтобы не углубляться в нераскрытую пока для него самую проблему.

— Ну, пока ничего, кроме финского сливного бачка, мне не светит. Оставим это.

— Что это? — заинтересованно спросила Наташа, подходя к незаконченной картине на мольберте, с пышным деревом в центре, с которого опали желтые листья.

— Всего лишь дерево, теряющее осенние листья, но если приглядеться, то на каждом листочке проявляется человеческое лицо, составленное из прожилок. То есть, это — покидающие живой мир люди. Зелёные машут им вслед.

— Зачем так печально?

— Есть художники печали, есть художники праздника. Такими они родились. Но самые грустные люди — это комики. Ну, это так, разминка, поиски своего пути.

Он подошёл к полотну и, закрывая его собой, как бы закрывая тему, пояснил дальше:

— Скажу тебе то, чем ещё ни с кем не делился. Понимаешь, я хочу написать картину, в которой будет присутствовать Христос.

— Разве это возможно? Он уже описан много раз предыдущими гениями.

— Я не сказал, что собираюсь писать Христа, я сказал, что он будет присутствовать.

— Но он будет такой же? Как у Крамского? У Иванова?

— В этом есть проблема. Крамской, когда его спросили, почему Христос именно такой, ответил, что ведь и живого Христа не узнали, когда Он явился людям. Иоанн Креститель указал на Него. Но у меня Он будет вполборота, просто узнаваем. Он уходит, покидает нас, и поворотом головы как бы зовёт за собой.

— Интересно, — задумчиво сказала Наташа. — А куда он может звать? На небеса? То есть туда же, куда летят и твои листья?

— В этом могут быть разнопонимания. Но Он зовёт не куда-то, Он зовёт за собой: за Своим образом жизни, за Своими заповедями. А можно по-другому: уводит от опасности.

— Разве может это увлечь современного человека?

— Я понимаю, что если бы Билл Гейтс поманил за собой, пошли бы многие. Из молодых, конечно. Но уход Иисуса должен породить страх — неизвестно, что будет, если Он покинет наш мир. А вдруг, как у Достоевского: нет Бога — значит, всё возможно. Вообще — всё! Нет преград для любого преступления. Это может заставить пойти за Ним. Но за ними могут увязаться другие: я бы назвал их “предбесами”, те, кто ещё не стал “бесом”, но станет обязательно со временем. Достоевский своим воображением обнаружил их ещё до того, как они явились во всей красе. А художники? Есть ли в их картинах те, кто в момент создания полотна был нормальным человеком, а потом стал “бесом”? Я не нашёл. Я хочу предупредить Христа об этом.

— Предупредить Иисуса Христа? — она испуганно посмотрела на Самокурова.

— Тот, кто это поймёт, тот пойдёт за Ним. Но есть и такие, кто решит, что зовут к вечной божественной жизни, но не имеют на это никакого морального права. И я хочу предупредить Его об этом.

Её испуг сменился растерянностью:

— Предупредить Иисуса Христа?

— Я понимаю твои сомнения, но картина будет разговаривать со зрителями, а не с Иисусом Христом, это им будет послание: осмотреться, быть осторожными.

Наташа долго размышляла над его словами.

— Мне кажется, это суперсложно. Как по фото разгадать садиста? Садист может иметь ангельское лицо. Не рано ли ты взялся за такую задачу?

— По фотографии, согласен, вряд ли. Но картина тем и отличается от фотографии, что прячет в красках, намеренно наложенных оттенках, чёрточках не осознаваемую напрямую, а направленную сразу в подсознание мысль. Понимаешь, нельзя стать великим зодчим, строя одни балаганы. Это сказал Экзюпери. Я родился в один день с Иисусом Христом, над нами было одно с ним созвездие, может быть, это что-то означает? Может быть, это подталкивает меня к этой работе?

— Мы все родились под его созвездием, оно на всех одно. — Всегда готовое к мягкой улыбке, лицо Наташи на этот раз помрачнело. — Зачем тебе это нужно? Неподъёмная задача может убить.

— Это правда, — согласился Самокуров. — Иванов отдал двадцать лет жизни картине “Явление Христа народу” и, как говорили тогда, на время работы он умер для остального мира.

— Значит, ты тоже можешь умереть для всех, погрузившись в свою идею? И для меня?

Он приблизился к ней, и по её глазам понял, чем на этот раз может закончиться этот день.

— Ты какой-то не такой сегодня, ты — другой.

— Корень слова “другой” — “друг”, поэтому меня можно не бояться.

Он всегда думал, что последнее их сближение произойдёт вечером, в полдумраке, но никак не бодрым утром, под звуки работающей газонокосилки за окном, и боялся, что обыденность испортит главный момент. Но всё испортила не газонокосилка, а звонок в прихожей.

— Кто это? Таинственная незнакомка?

— Сейчас я её встречу! — грозно сказал Самокуров, и вышел в прихожую.

У двери стоял мужик в рабочей спецовке, с сумкой на плече. У ног стояла картонная коробка.

— Дмитрий Петрович извиняется за задержку, — пояснил мужик, — прислал бачок. Могу сразу и поставить.

Самокуров молча смотрел то на мужика, то на коробку, приходя в себя.

— Коробка не от финского бачка, — процедил он сквозь зубы, — наверняка, старьё какое-нибудь. Передайте Дмитрию Петровичу, что Семён Семёнович назвал его “старым жмотом”.

Он захлопнул дверь. Вернулся в комнату, но ситуация уже изменилась, нарушилось хрупкое ожидание важного для обоих события, хотя волнение ещё не прошло, оно сердечной аритмией билось в груди Самокурова, горело на щеках Наташи. Он опять подошёл к холсту и глухим, бесцветным голосом продолжил размышления:

— Он должен быть в тех же одеждах, что у Иванова и Крамского, тогда его узнают сразу...

— Ты не боишься, что картина захватит тебя так, что ты забудешь с ней всё земное?

Он не ответил, стоя у окна и раздумывая: чего он хотел сегодня больше — близости с Наташей или восхищения своим замыслом? Она, не дождавшись ответа, медленно ушла в прихожую. Самокуров не шевельнулся даже на щелчок входной двери. Он осознавал, что такое холодное неожиданное расставание чревато прекращением отношений. С её стороны. Ещё не поздно было нагнать её, попытаться объяснить, попросить прощения, но он стоял, как пригвождённый к полу. Не значит ли это, что в нём самом жил бес и что это он сейчас им управлял? Но нет, не согласился он с этой мыслью, здесь явно другое. Он только что впервые озвучил свой сокровенный замысел, и прозвучав, этот замысел уже не совпадал с тем, который без слов мучительно рождался в глубине и темноте его воображения, и это сразу же вызвало сомнение и даже страх в том, что этот замысел получится.

Он подошёл к другому мольберту с чистым холстом. Вот здесь, — он коснулся пальцем холста в месте золотого сечения, — будет Он. Фигура чуть сгорбленная, не величественная, как у Иванова: Он разочарован, устал, пришёл один и уходит один. Вот люди: мало кто смотрит на него — им нет дела ни до кого, у них куча проблем. Женщина прикладывает платочек к глазам — что-то понимает. Вот двое молодых людей, вроде разговаривают друг с другом, но нет: у каждого в ушах наушники, они слушают и говорят с теми, кого здесь нет. Им тоже нет дела до уходящего. Но что это? Он не видит здесь “предбесов” — главных после Него персонажей. Значит ли это, что он ещё не встречал их в жизни и просто придумал? Но если в воображении Достоевского они были, значит, по творческому закону они могут существовать. Просто потому, что в бесконечности всё, что может случиться, всё равно случится.

Самокуров не мог больше стоять. Сделал шаг к дивану, лёг навзничь и закрыл глаза, призывая ночь.

2

— Семён Семёнович ждёт вас к одиннадцати, — сказала разбудившая его телефонная трубка.

То есть, оглядываясь вокруг, понял Самокуров, что он проспал остаток вчерашнего дня и ещё целую ночь! Не желая впасть в депрессию, он собрал силу воли в кулак и сосредоточился на предстоящей встрече. А вдруг этот Семён Семёнович и приведёт его в мир “предбесов”? В любом случае, других вариантов у него нет.

На этот раз секретарша была любезнее, без жестов, даже позволила слабую улыбку.

Семён Семёнович был по-своему деловит с ним. Усадил за стол, придвинул лист бумаги, ручку и приказал:

— Пиши жалобу на Хорохорина.

— О чём? — удивился Самокуров.

— О чём угодно. Ты же к нему зачем-то ходил? Вот и пиши, что он не выполнил. Да не беспокойся, он и не узнает. Жалоба нужна на всякий случай, если вдруг понадобится объяснить, почему ты ко мне ходишь.

Самокуров понял, что забавные эпизоды на этом заканчиваются и что он включается в какую-то схему. Ещё не поздно было закончить на этом, сослаться на занятость, но тогда как быть с “предбесами”? Откуда он их возьмёт? Не будет их — не будет картины. И ради чего он расстался с Наташей? Чья-то чужая воля (бесовская?) заставила взять ручку и написать жалобу.

— Отлично! — Семён Семёнович смахнул бумагу в стол. — Теперь вот. — из другого ящика он достал небольшую сумочку, из тех, что мужчины носят через плечо или в руках, и положил перед Самокуровым.

— Пойдёшь по указанному мной адресу, войдёшь в квартиру, она будет не на замке, оставишь сумочку у входа, не заходя в саму квартиру, и всё!

А это твой гонорар — так у вас, творческих людей называют заработки?

Он вытащил из кармана конверт и придавил его к столу рядом с сумочкой, как бы давая понять: они едины — без сумочки нет конверта. Понадобилось ещё одно усилие воли (тоже бесовское?), чтобы взять предметы со стола. Самокуров встал, не говоря больше ни слова, лишь у самой двери приостановился:

— А с чего вы взяли, что я творческий человек?

Идя по улице в поисках нужного адреса, Самокуров делал это механически, заложив адрес в память, отпустив мысли в свободный полёт, пытаясь события нелогичные, неправильные, с точки зрения обывательской, привести к понятной повседневной логике. Ну, хорошо, журчание в бачке и заполошный управляющий — это чистой воды случайность. То, что тому в момент визита Самокурова срочно понадобилось передать конверт, — это тоже случайность. Но уже не чистой воды. Дальше — хуже: вода случайности мутнеет всё больше. И никакими логическими вывертами не объяснишь тот факт, что он в данный момент идёт по неизвестному адресу с сумкой с неизвестным вложением, да ещё — он похрустел конвертом в кармане — да ещё с неизвестным содержимым своего же кармана. Чуть!

Дом был в новостройке, со свежим бодрящим асфальтом вдоль весёлой раскраски домов, с нарождающимися аллеями из молодых каштанов. Но подъезд уже привычно находился под охраной домофона, и ему пришлось перечитать объявления на стене, прежде чем дверь открыли изнутри. Старушка, пропуская впереди себя рыжую шавку, бдительно зыркнула на незнакомца:

— А вы к кому?

— С новосельем, бабушка! — радостно ответил Самокуров. — Я здесь живу.

И он проскользнул в проём до того, как пружина захлопнула металлическую дверь. И так, четвёртый этаж, квартира, дверь не легко, но подалась. Прихожая свежая, пахнет краской и обоями, мебель новая, шикарное зеркало, на вешалке плащи, зонт, внизу — тёмно-коричневые туфли, почему-то со шнурками — старомодные, сейчас такие почти не носят. Один конец шнурка без металлического наконечника. Самокуров отмечал это без всякой цели, делал это легко, как художник, описывая для себя окружающую обстановку. Когда предметов для изучения не осталось, он повесил сумочку на крючок рядом с плащами и вдруг застыл от неожиданности: изнутри квартиры раздался едва слышный детский плач. Скорее, маленькой девочки. В памяти всплыла инструкция Семёна Семёновича: оставишь сумочку у входа, не входя в саму квартиру.

Кроме строгой инструкции, у него вспыхнули возможные последствия: он подходит к девочке, в квартире тут же появляются люди в форме и его задерживают за попытку похищения чужого ребёнка. В мгновение ока он оказался за пределами квартиры, и этим уже себя обезопасил, но вздохнул полной грудью, лишь оказавшись за квартал от таинственного и опасного адреса. Может быть, на этом хватит? Но ещё есть конверт — ещё одна опасная связка. Самокуров вытащил конверт, прощупал его выпуклость, но призадумался: ко всему, что связано с этими непонятными делами, нужно относиться с осторожностью. Если он не откроет конверт, то никто не может сказать, что он переносил некие предметы за вознаграждение, а за так, просто услужил пожилому человеку. Да и вообще — всё уже закончилось. Он окончательно успокоился и даже оценил окружение новостройки: зелёная зона, широкие дороги — живи и радуйся.

Его внимание привлекло собрание людей возле строящегося храма. Рядом стоял подъёмный кран с выдвинутой стрелой, который, по-видимому, и должен был обозначить окончание строительства. “Неужели протестуют против такой красоты?” — удивился Самокуров и присоединился к толпе. Он быстро, по воодушевлённым лицам, приглушённым разговорам и одежде некоторых женщин понял, что это — будущая паства храма, и пришли они как раз к торжественному моменту — вознесению золотого креста на купол.

Выступал перед слушателями явно не служитель Церкви: немолодой, полноватый человек в обыкновенном костюме при галстукe, по всему —

чиновник из мэрии. Но из его речи стало понятно, что это и есть строитель, вернее, руководитель стройки. Под конец своего деловитого выступления он предложил верующим до подъёма креста приложиться к святыне, чем вызвал одобрительный гул слушателей. За ним, под шёпот в толпе: “Батюшка, батюшка...” — вперёд выступил молодой священник в рясе, с окладистой чёрной бородой, и пропел осанну предыдущему выступающему, который, как оказалось, был не просто руководителем стройки, но и её главным финансовым спонсором. Церковные генералы — их можно было отличить по более богатому одеянию, чем у будущего настоятеля, — стояли небольшой группой, окружённые крепкими молодыми людьми в кожаных куртках, явно охраной.

Когда заурчал подъёмный кран, люди зашевелились, примериваясь создать справедливую очередь к проёму в заборе, за которым их ожидало волнующее событие. Но неожиданно вышел человек, по виду из тех же производителей или мэрии, и объявил, что, к сожалению, по правилам техники безопасности массовый выход на стройплощадку невозможен. Выражения лиц слушателей резко изменились — они почувствовали себя обманутыми, даже молитва, вознесённая к небу в последний момент, не смогла их взбодрить. Но тут произошло событие ещё более неожиданное: молодые люди в кожаных куртках профессионально проложили среди толпы коридор, по которому чинно проследовали к заветному проёму церковные генералы. За ними, опустив голову, прошёл молодой батюшка. От неожиданного действия наступила тишина. Даже Самокуров, не предполагавший прикоснуться ко кресту, почувствовал единение с верующими. Но как трезвый наблюдатель, он понимал, что самое высокое духовное мероприятие может прекратить любой инженер по технике безопасности одним законным предписанием. Понимал и другое: по справедливости, батюшка должен был остаться с верующими, которые потом пойдут на его проповеди, и этим бы завоевал их сердца. Но он не смог этого сделать, потому что это был бы вызов церковному начальству, и подверглось бы сомнению его дальнейшее карьерное продвижение. И Самокуров невольно примерил ситуацию к своему замыслу: а что, если бы за всем этим наблюдал Он? На чьей бы стороне был?

Дальнейшее торжество — подъём золотого креста, громкие песнопения — выглядело, как обыкновенное торжество районного масштаба, как открытие новой школы или поликлиники. Один эпизод легко объединил воедино высокое духовное с серой обыденностью.

Добравшись до дома, Самокуров тут же присел к мольберту с горячим желанием сделать первые наброски. Почему-то была внутренняя уверенность, что главный герой у него получится: Он был понятен, за две тысячи лет сумел доказать необходимость Своего присутствия среди людей — хоть зримого, хоть незримого. Но вот люди, те самые люди, которых он видел ежедневно, сталкивался с ними в самых различных ситуациях, наблюдал их изменчивые лица, сопереживал им или приходил в раздражение от них, — в них заключалась главная сложность. И не потому, что сложно запечатлеть эмоции путём изображения черт лица, говорящих глаз или теней в нужном месте, а потому, что он поставил сам себе задачу: через эти черты и тени добраться туда, куда ни один психоаналитик не может добраться, и возможно, что это даже не душа.

“Зачем тебе это нужно?” — вспомнил он Наташу. А затем, мысленно отвел от себя и ей, что без этого нет художника. Именно из-за этого они умирали в нищете и сходили с ума — в погоне за невыразимым, непостижимым идеалом. Это необъяснимый магнетизм бездны: ты не знаешь, что скрывается на дне, но она тебя притягивает, “смотрит” на тебя. Рука у него дрожала: надо было либо рисовать, либо рассуждать.

3

Утром он вернулся к работе. Голова, на удивление, ясная, все сомнения затерялись в спутанных снах, — у него всё получится. Первые штрихи легли, как надо, рука была уверенной, точной, словно не он управлял ею, а она вела его за собой. “Получится, получится...” — теплом растекалось у него

в груди. Давно не приходило к нему такое вдохновляющее настроение. “Упоение” — вот самое точное русское слово для такого состояния. Упоение — это восторг от существующего мира вокруг, его многообразия, комичного и трагичного, безобразного и прекрасного. Оттого, что ты существуешь при всём этом.

Телефон обрушил торжественный момент в один миг. Всё исчезло. С сожалением Самокуров отложил карандаш — не хотелось расставаться с работой, удачным началом дня и просто хорошим настроением. Встреча с Семён Семёновичем вряд ли его поднимет.

На этот раз в приёмной он оказался не один: возле секретарши сидел незнакомец, по виду стареющий чиновник, седовласый, в очках, с аккуратно тонко подрезанными усиками. У его ног стоял коричневый портфель, хорошо гармонирующий с коричневым в полоску костюмом и старомодными коричневыми же туфлями со шнурками.

Поскольку свободным оставался только диван, то Самокурову пришлось сесть на него, и таким образом он оказался как раз напротив незнакомца. И тут же они столкнулись взглядами. Нельзя было назвать взгляд приятным, но и не враждебным: сквозь линзы на него смотрел огромной тяжести жизненный опыт и, казалось, впитывал, засасывал в себя ещё один — легковесный опыт Самокурова.

В свою очередь, Самокуров запечатлел в памяти лицо незнакомца, причём, в условиях появившегося подозрения, что встреча эта не случайна, он напряг все свои возможности, и когда их взгляды соскользнули, он был уверен, что сможет воспроизвести лицо на бумаге. Он уткнулся глазами в пол, удачно попав взглядом в ботинки незнакомца, с некоторым даже страхом отметив, что на одном шнурке отсутствовал металлический наконечник. Заметил он и неожиданные изменения в поведении секретарши: она была напряжена, всё время писала и никаких попыток прислушаться к звукам от двери начальника не предпринимала. Один раз, столкнувшись с ней взглядами, Самокуров уловил в её глазах растерянность и даже испуг. Всё это очень не понравилось, он начал воспринимать происходящее, как сигнал к завершению своей непонятной деятельности. Но опять на пути встала мысль о том, что нет логического завершения во всём происходящем: надо было обнаружить черты хотя бы одного “предбеса”, запечатлеть их в наброске, и тогда бросать всё сразу. А вдруг сидящий напротив незнакомец и есть тот самый, образ которого он ищет для своей картины?

Наконец, его вызвали. Странно было и то, что чиновник, пришедший раньше, не шевельнулся, не сделал попытки войти первым. Семён Семёнович был внимательнее, чем обычно. Усадил Самокурова за стол, но сам принялся прохаживаться за его спиной, каждый раз, проходя мимо гостя, одобрительно похлопывая его по плечу.

— Там плакал ребёнок, — первое, что сказал Самокуров.

— Знаю, — странно усмехнулся Семён Семёнович. — Скажи, Вадим, а почему ты не открыл конверт, который получил от меня?

— С чего вы взяли?

— А с того, мой друг, что если бы ты его открыл, то обнаружил бы в нём фантики, игрушечные деньги. Ты чего-то опасаясь?

— Да не то, чтобы... Просто пока хватает, а это — резерв.

— Ну, допустим. А в остальном ты выглядишь молодцом. Ты достоин более серьёзного задания.

— Не уверен, что я этого хочу, — заметил Самокуров. — Чтобы продолжить наше приятное знакомство, мне нужно знать, что всё это значит: конверты, сумочки, фантики, чиновник у вас в приёмной, в конце концов.

Семён Семёнович задумчиво прошёлся по кабинету, но уже не прикасаясь к плечу Самокурова.

— Видишь ли, мой друг... — начал он свои объяснения, — каждое время призывает нужных ему людей. До последнего времени нужны были оборотистые, хваткие, но хватающие в меру и отдающие в меру. Но времена меняются, и вдруг оказалось, что даже простое действие — взять вещь у одного и передать её другому — поручить некому! Либо распечатают,

сфотографируют из любопытства или по поручению, или на всякий случай, а то и вовсе не доставят. А ведь все современные виды коммуникации могут в один момент, в какой-нибудь “час икс” отключить. И кому тогда поручить такое простое действие, как доставку важной информации? “Яндекс-су”? Поэтому обратились взоры к тем, кто обладает таким простым и забытым качеством, как честность. Поняли, что она не прививается, она либо есть, либо её нет. Ты, по наблюдениям, отвечаешь необходимым требованиям. То есть способен действовать, как робот, но мыслить, как человек. Это и есть идеальный биоробот — естественный, а не выращенный в лаборатории порученец. Ты говоришь, там плакал ребёнок? Любой бы человек вошёл, и только биоробот — нет. Это был диктофон. Тебя не оскорбляет “биоробот”?

— Пока мне только любопытно.

На самом деле он задался простым вопросом: если он человек с естественной честностью, то почему он так поступил с Наташей? Можно ли быть честным и носить в себе беса?

— А я когда-нибудь увижу тех людей? Которые подыскивают биороботов?

— Одного ты только что видел, про других — не могу сказать. Зачем тебе знать лишнее? Многие знания приводят ко многим печалям, сказал философ. Ты можешь отказаться, сослаться на занятость, болезнь бабушки или согласиться на ещё одно поручение и, возможно, расширение своих знаний.

— Хорошо, я слушаю...

— Ну, тогда вот, — облегчённо вздохнул Семён Семёнович, достал из стола кожаную папку, положил её перед Самокуровым, рядом конверт, который он придавил привычным движением пальца. — Для твоего сведения, на этот раз не фантики. И с учётом долга за предыдущее поручение. Адрес доставки: в пригород, деревня, перерождающаяся в коттеджный посёлок. Хозяева оставшихся домов просто ждут, когда к ним придут и предложат квартиры вместо их дачуг. Но новая жизнь наступает, появились асфальт, пламбаумы, видеокамеры. Всего этого нужно избежать. Надо воспользоваться обыкновенным рейсовым автобусом, дальше пешком вдоль реки выйдешь к нужному месту. Готов?

Самокуров лишь пожал плечами, как бы соглашаясь с неизбежным. Он решительно встал, не находя, что сказать к случаю: “Спасибо”, — или: “Слушаюсь!” Но у двери остановился, выдавливая на поверхность ещё одну, не получившую ответа мысль:

— Скажите, а они, те люди, готовят людей других специальностей, кроме курьеров?

— Это уже больше, чем планировалось сказать, на случай твоего любопытства, но я скажу: “Да!” — и больше никаких вопросов!

Самокуров в замешательстве покинул кабинет и при виде ускользнувшего от его глаз взгляда секретарши понял, что она, как минимум, слышала последние фразы, которыми они обменялись с Семён Семёновичем.

— Всего доброго, — тихо сказала она ему вслед.

Её изменившееся поведение натолкнуло Самокурова на мысль, что подобных ему она уже видела здесь, в приёмной. Но тихое: “Всего доброго”, — зародило подозрение, что не всем им сопутствовала удача.

Итак, подбадривал себя Самокуров: ты избранный, ты идеальный, ты почти искусственный разум. Прочь сомнения! Тебя ждёт богатая жизнь: квартира, коттедж, машина... А Наташа? Или биороботу это обуза? Нет, они обязательно помирятся, все эти приключения когда-нибудь закончатся, и они заживут, где-нибудь у той же речки, где живут... Он приостановился: где живут “они”? Ему захотелось срочно увидеть то место, прицениться, присмотреться, облюбовать местечко.

Автобус был полупустой, он существовал только для тех, кто ожидал неизбежной компенсации за свои жилища, остальные доставляли свои тела на иномарках. Автобус был настолько старый, словно кто-то точно рассчитал (искусственный разум?), что он пойдёт на металлолом сразу после того, как доставит последнего жителя, покинувшего свой дом.

Спрыгнув на землю на конечной остановке, он огляделся. Места хорошие: хвойный лес с одной стороны, с другой чувствовалась лёгкая прохлада, явно от близкой реки. Впереди — разнообразные, эклектичные, как бы он назвал профессиональным языком, строения: разноэтажные кирпичные коттеджи рядом с рассеянными по площади деревянными домами. Но уже мощно, проложенная в будущее, в посёлок рванулась широкая асфальтовая дорога с полосатым, как и предупреждал Семён Семёнович, шлагбаумом. Он свернул к прохладе, за которой скрывалась река. Она была живая, “полевовская”, ещё не тронутая цивилизацией, без пляжей и пристаней для катеров, и он шёл, наполняя лёгкие лесными ароматами.

Жить и творить надо именно здесь!

Впереди послышались детские голоса, и вскоре перед ним открылось идеальное место для отдыха и купания, чем и занималась группа мальчишек, их было всего трое и, видимо, всё детское население умиряющего посёлка. В кирпичных коттеджах дети купались в бассейнах с фильтрованной тёплой водой, под присмотром бдительных нянек. А эти вольные, естественные, не хватало только для полноты картины собаки, лающей и прыгающей вокруг них. Вольные собачки сдохли или их переловили собаководы, чтобы они не беспокоили других, живущих за оградями: чистокровных терьеров, самоедов и мастифов.

Вдруг ребята подняли панический крик. Самокуров приостановился, вглядываясь в реку, и понял: один из них барахтался в воде, войдя в воду дальше, чем позволяла небольшая заводь, и его захватило течением. Самокуров побежал к ним, по ходу соображая, что делать с ответственным предметом? Войти с ним в воду он не мог, не зная, что там внутри, но и бросить без присмотра опасно. Он подскочил к мальчишкам и крикнул, чтобы привести их в чувство.

— Быстро! Бегите за помощью, а я к нему!

Ребята исчезли в мгновение ока. Тогда Самокуров бросил папку на траву и придавил камнем. Потом, не раздеваясь, бросился в воду, сначала бегом, на мелководье, не теряя из виду чернявую голову мальчишки. Тот ещё доставал до дна и отталкивался от него, каждый раз появляясь над водой с открытым ртом и выпученными от страха глазами. Самокуров был уже рядом, и вдруг его захватила преступная мысль, от которой ему стало жарко даже в холодной воде: у него есть шанс вживую увидеть искажённое предсмертным страхом лицо, которое он потом сможет перенести на полотно. Сердце его билось колоколом, словно предупреждая о чём-то. Ну, ещё раз, пацан... Голова появилась с той же мукой на лице, и тут же исчезла. Самокуров прыгнул в воду, шаря по дну руками, открыв глаза, ничего не различая в беспокойной воде. Вынырнул, отряхнул с волос влагу, вглядываясь в поверхность реки. Но река, принимавшая в себя и не такие жертвы, величаво двигалась дальше.

Он услышал шум с берега, оглянулся, испугавшись за важную папку, и двинулся навстречу людям.

— Течение... Я не успел, — сказал он сразу всем, но двое мужчин всё равно бросились в воду.

Он сел возле папки, глядя на бесполезное занятие мужиков и пытаясь снять одежду.

— Теперь на Гульновском перекате надо ловить, — сказала пожилая женщина, остановившись рядом с ним. — Пойдём, милый, обсохнешь у меня, куда же ты такой пойдёшь? Неместный ведь, я здесь всех знаю.

— Спасибо... — Самокуров встал, прихватив с земли папку, и послушно пошёл за женщиной.

В деревянном доме было сухо, тепло, но тепло не такое, как в железобетонных коробках, а мягкое, родственное, женское, как тепло материнской груди. Самокуров прикрылся покрывалом, которое получил от заботливой хозяйки в ожидании, когда подсохнет его одежда. И чай был домашний, не из красивых заморских коробок, а настоящий, с малиновым вареньем и запахом мяты.

— Скоро нас всех выживут отсюда, — спокойно и обречённо рассказывала женщина, — будем жить в апартаментах. Без земельки. В апартаментах помирать легко: всё под рукой, даже если только ползать тебе Бог оставил. А жить надо на земельке.

За окном послышался женский крик, скорее, похожий на вой. Самокурова затрясло от неожиданности.

— Это Галька Кудинова, — спокойно пояснила хозяйка, — её малец был...

Самокурова ломало пополам, хотелось свернуться в калачик и закатиться в какой-нибудь тёмный угол. Хозяйка заметила его слабые конвульсии.

— Что с тобой? Ты, если хочешь, полежи на диване, а я пойду во двор по делам.

Он прилёг на продавленный годами, а может, десятилетиями диван, закрыл глаза, с ужасом осознавая, что с этого дня не сможет рисовать детские и женские лица, а “предбеса” он сможет изобразить, если посмотрит в зеркало.

Попасть в кирпичный мир Самокурову не дали: приказали в домофон, чтобы он оставил посылку у входа, и пожелали счастливого пути.

Он проснулся так, словно соскользнул с незнакомого дивана на свою кровать. Слабое журчание хвостиком ускользящего сна, в котором он стоял по пояс в воде, заставляя себя: “Ныряй! Ныряй!” — настойчиво призывало к пробуждению. Над ним висела знакомая люстра из трёх рогаляков, по стенам стекали знакомые обои в вертикальную полоску, стареющий комод напротив кровати. А мольберт? Он склонил голову набок: мольберт тоже на месте, также, как и дерево, теряющее жёлтые листья-лица.

Загудел телефон.

— Привет! Ты куда пропал? У тебя творческий застой? Или запой?

— Скорее, отстой, — с трудом ответил Самокуров, выводя правильное логическое заключение о том, что если бы он нырял с мобильником в кармане, то мобильник сейчас бы не работал.

— Тут такое дело... Приехали мои родители, в общем, хотят с тобой познакомиться. Ты как?

— Конечно, давно пора. Только где? Если ко мне, то они могут потерять, вернее, не приобрести никакого уважения ко мне. Может, в кафе?

— Возможно. Но они хотели бы взглянуть на твои работы. Давай, я к тебе приеду, и мы вместе наведём порядок.

— Согласен.

— Ну, тогда до встречи!

Самокуров соскочил с кровати, подошёл к мольберту, проверил запасные ватманы. Они были чистые, без набросков. В ванной он плескал на себя то холодной, то горячей водой, думая, что голова уже освобождена от тяжёлого ночного хлама, но вдруг от уютного тепла ванной комнаты застыл, пронзённый чужой мыслью: “В апартаментах помирать легко...” Откуда это пришло в голову?

Быстро оделся, решив до приезда Наташи купить бытовой химии для уборки. На улице ему полегчало, от привычной обстановки вокруг всё становилось на свои места. И всё-таки то и дело он хмыкал, покачивая головой: “Надо же...”, “Ну как такое может...”

Навстречу ему шёл вечно погружённый в коммунальные проблемы управляющий, но Самокуров не решился останавливать его и озадачивать своей журчащей проблемой. Лишь вежливо поздоровался. Тот бросил нервный и, как показалось, Самокурову, обиженный взгляд.

Чудак, да ещё невежливый, беззлобно подумал о нём Самокуров и вдруг застыл, как вкопанный, от прозвучавшего за спиной старческого голоса: “Это почему же я — старый жмот?”